

Славный майский день завершился небольшой образцово-показательной грозой с несколькими яркими молниями, жестяным нестрашным громом, пятиминутным ливнем и приятной свежестью в воздухе, напоенном запахом сирени. Районный центр Великий Гусяр нежился в этой свежести и запахах. Пенсионер Николай Ложкин вышел на курчавый от молодой зелени, чистый и даже кокетливый по весне двор с большой книгой в руках. По двору гулял плотный лысый мужчина – профессор Лев Христофорович Минц, который приехал в тихий Гусяр для поправки здоровья, подорванного напряженной научной деятельностью.

Николай Ложкин любил побеседовать с профессором на умственные темы, даже порой поспорить, так как сам считал себя знатоком природы.

– Чем увлекаетесь? – спросил профессор. – Что за книгу вы так любовно прижимаете к груди?

– Увлёкся антропологией, – сказал Ложкин. – Интересуюсь проблемой происхождения человека от обезьяны.

– Ну и как, что-нибудь новенькое?

– Боюсь, что наука в тупике, – пожаловался Ложкин. – Сколько всего откопали, а до главного не докопались: как, где и когда обезьяна превратилась в человека.

– Да, момент этот уловить трудно, – согласился Лев Христофорович. – Может быть, его и не было?

– Должен быть, – убежденно сказал Ложкин. – Не могло не быть такого момента. Ведь что получается? Выкопают где-нибудь в Индонезии или Африке отдельный доисторический зуб и гадают: человек его обронил или обезьяна. Один скажет – "человек". И назовет этого человека, скажем, древнеантропом. А другой поглядит на тот же зуб и отвечает: "Нет, это зуб обезьяний и принадлежал он, конечно, древнепитеку". Казалось бы, какая разница, – никто не знает! А разница в принципе!

Минц наклонил умную лысую голову, скрестил руки на тугом, обтянутом пиджаком животе и спросил строго:

– И что же вы предлагаете?

– Ума не приложу, – сознался Ложкин. – Надо бы туда заглянуть. Но как? Ведь путешествие во времени вроде бы невозможно.

– Совершенная чепуха, – ответил Минц. – Я пытался сконструировать машину времени, забрался во вчерашний день и там остался.

– Не может быть! – воскликнул Ложкин. – Так и не вернулись?

– Так и не вернулся, – сказал Минц.

– А как же я вас наблюдаю?

– Ошибка зрения. Что для вас сегодня, для меня вчерашний день, – загадочно ответил Минц.

– Значит, никакой надежды?

Профессор глубоко задумался и ничего не ответил. Дня через три профессор встретил Ложкина на улице.

– Послушайте, Ложкин, – сказал он. – Я вам очень благодарен.

– За что? – удивился Ложкин.

– За грандиозную идею.

– Что же, – ответил Ложкин, который не страдал излишней скромностью. – Пользуйтесь, мне не жалко.

– Вы открыли новое направление в биологии!

– Какое же? – поинтересовался Ложкин.

– Вы открыли генетику наоборот.

– Поясните, – сказал Ложкин ученым голосом.

– Помните нашу беседу о недостающем звене, о происхождении человека?

– Как же не помнить?

– И ваше желание заглянуть во мглу веков, чтобы отыскать момент превращения обезьяны в человека?

– Помню.

– Тогда я задумался: что такое жизнь на Земле? И сам себе ответил: непрерывная цепь генетических изменений. Вот среди амёб появился счастливый мутант, он быстрее других плавал в первобытном океане или глотка у него была шире... От него пошло прожорливое и шустрое потомство. Встретился внук этой амёбы с жуткой хищной амёбихой – вот и еще шаг в эволюции. И так далее, вплоть до человека. Улавливаете связь времен?

– Улавливаю, – ответил Ложкин и добавил: – В беседе со мной нет нужды прибегать к упрощениям.

– Хорошо. Мы, люди, активно вмешиваемся в этот процесс. Мы подглядели, как это делает природа, и продолжаем за нее скрещивание, отбор, создаем новые сорта пшеницы, продолжаем эволюцию собственными руками.

– Продолжаем, – согласился Ложкин. – Хочу на досуге вывести быстрорастущий забор.

– Молодец. Всегда у вас свежая идея. Так вот, после беседы с вами я задумался, а всегда ли правильно мы следуем за природой? Природа слепа. Она знает лишь один путь – вперед, независимо от того, хорош он или плох.

– Путь вперед всегда прогрессивен, – заметил Ложкин.

– Тонкое наблюдение. А если нарушить порядок? Если все перевернуть? Вы сказали: как бы увидеть недостающее звено? Отвечаю – распутать цепь наследственности. Прокрутить эволюцию наоборот. Углубляясь в историю, добраться до ее истоков.

– Нам и без этого дел хватает, – возразил Ложкин.

– А перспективы? – спросил профессор, наклонив голову и прищурившись.

– Это не перспективы, а ретроспективы, – сказал Ложкин.

– Великолепно! – воскликнул Минц. – Чем пользуется генетика? Скрещиванием и отбором. Нашу с вами новую науку мы назовем ретрогенетикой. Ретрогенетика будет пользоваться раскрещиванием, откращиванием и разбором. Генетика будет выводить новую породу овец, которой еще нет, а ретрогенетика – ту породу, которой уже нет. И ученым не надо будет копать в земле. Заказал палеонтолог в лаборатории: выведите мне первого неандертальца, хочу поглядеть, как он выглядел. Ему отвечают: будет сделано.

– Слабое место, – заявил Ложкин.

– Слабое место? У меня?

– Ваш неандерталец жил миллион лет назад. Вы что же, собираетесь миллион лет ждать, пока его снова выведете?

– Слушайте Ложкин. Если бы мы отдавались на милость природе, то сорта пшеницы, которые колосятся на колхозных полях, вывелись бы сами по себе через миллион лет. А может, и не вывелись бы, потому что природе они не нужны.

– Ну, не миллион лет, так тысячу, – не сдавался Ложкин. – Пока ваш неандерталец родится, да еще своих предков народит...

– Нет, нет и еще раз нет, – сказал профессор. – Зачем же нам реализовать все поколения? В каждой клетке закодирована ее история. Все будет, дорогой друг, на молекулярном уровне, как учит академик Энгельгардт.

– Ну ладно, выведите вы, что было раньше. А что дальше? Какая польза от этого народному хозяйству?

Ответ на свой вопрос Ложкин получил через три месяца, когда пожелтели липы в городском саду и дети вернулись из пионерских лагерей. Лев Христофорович стоял у ворот и чего-то ждал, когда Ложкин, возвращаясь из магазина с кефиром, увидел его.

– Как успехи? – поинтересовался он. – Когда увидим живого неандертальца?

– Мы его не увидим, – отрезал профессор. Он осунулся за последние недели: видно, много было умственной работы. – Есть более важные проблемы.

– Какие же?

– Вы знакомы с Иваном Сидоровичем Хатой?

– Не приходилось, – сказал Ложкин.

– Достойный человек, заведующий фермой нашего пригородного хозяйства "Гуслярец". Зоотехник, смелый, рискованный. Большой души человек.

Тут в ворота въехал газик, из которого выскочил шустрый очкастый человечек большой души.

– Поехали? – спросил он, поздоровавшись.

– С нами Ложкин, – сказал Минц. – Представитель общности. Пора общность знакомить.

– Не рано ли? – спросил Хата. – Спугнут...

– Нам ли опасаться гласности? – спросил Минц.

После короткого путешествия газик достиг животноводческой фермы. Рядом с коровником стоял новый высокий сарай.

– Ну что же, заходите, только халат наденьте. Хата выдал Ложкину и Минцу халаты и сам тоже облачился. Ложкин ощутил покалывание в желудке и приготовился увидеть что-нибудь необычное. Может, даже страшное. Но ничего страшного не увидел. Под потолком горело несколько ярких ламп, освещая кучку мохнатых животных, жевавших сено в дальнем углу. Ложкин присмотрелся. Животные были странными, таких раньше ему видеть не приходилось. Они были покрыты длинной рыжей шерстью, носы у них были длинные, ноги толстые, как столбы. При виде вошедших людей животные перестали жевать и уставились на них маленькими черными глазками. И вдруг захрюкали, заревели и со всех ног бросились навстречу Хате и Минцу, чуть не сшибли их, ластились, неуклюже прыгали, а профессор начал доставать из карманов халата куски сахара и угощать животных.

– Что за звери? – спросил Ложкин, отошедший к стенке, подальше от суматохи. – Почему не знаю?

– Не догадались? – удивился Хата. – Мамонтята. Каждому ясно.

– Мне не ясно, – сказал Ложкин, отступая перед мамонтенком, который тянул к нему недоразвитый хоботок, требуя угощения. – Где бивни, где хоботы? Почему мелкий размер?

– Все будет, – успокоил Ложкина Минц, отгаскивая мамонтенка за короткий хвостик, чтобы не приставал к гостю. – Все с возрастом отрастет. Ваше удивление мне понятно, потому что вам не приходилось еще сталкиваться с юными представителями этого славного рода.

– Я и со старыми не сталкивался, – сказал Ложкин. – И прожил, не жалею. Откуда вы их откопали?

– Неужели не догадались? Они же выведены методом ретрогенетики – раскрещиванием и разбором. Из слона мы получили предка слонов и мамонтов – близкого к мастодонтам. Потом пошли обратно и вывели мамонта.

– Так быстро?

– На молекулярном уровне, Ложкин, на молекулярном уровне. Под электронным микроскопом. Методом раскрещивания, откращивания и разбора. И вы понимаете теперь, почему я отказался от соблазнительной идеи отыскать недостающее звено, а занялся мамонтами?

– Не понимаю, – сказал Ложкин.

– Вы, товарищ, видно, далеки от проблем животноводства, – вмешался Иван Хата. – Ни черта не понимаете, а критикуете. Нам мамонт совершенно необходим. Для нашей природной зоны.

– Жили без мамонта и прожили бы еще, – упорствовал Ложкин.

– Эх, товарищ Ложкин, – в голосе Хаты звучало сострадание. – Вы когда-нибудь думали, что мы имеем с мамонта?

– Не думал. Не было у меня мамонта.

– С мамонта мы имеем шерсть. С мамонта мы имеем питательное мясо, калорийное молоко и даже мамонтовую кость...

– Но главное, – воскликнул Минц, – бесстойловое содержание! Круглый год на открытом воздухе, ни тебе утепленных коровников, ни специальной пищи. А подумайте о труднодоступных районах Крайнего Севера – мамонт там незаменимое транспортное средство для геологов и изыскателей.

Прошло еще три месяца. Однажды к дому № 16 по Пушкинской, где проживал Лев Христофорович, подъехала сизая "Волга", из которой вышел скромный на вид человек средних лет в дубленке. Он вынул изо рта трубку, поправил массивные очки, снисходительно оглядел неприятный двор, и его взгляд остановился на Ксении Удаловой, которая развешивала белье:

– Скажите, гражданка, если меня не ввели в заблуждение...

– Вы корреспондент будете? – спросила Ксения.

– Вот именно. Из Москвы. А как вы догадались?

– А чего не догадаться, – ответила Ксения. – Восемнадцатый за неделю. Поднимитесь на второй этаж, дверь открыта. Лев Христофорович отдыхает.

Поднимаясь по скрипучей лестнице в скромную обитель великого профессора, журналист бормотал: "Шарлатанство. Ясно шарлатанство. Вводят в заблуждение общественность..."

– Заходите, – откликнулся на стук профессор Минц. Он в тот момент отдыхал, а именно: читал "Химию и жизнь", слушал последние известия по радио, смотрел хоккей по телевизору, гладил брюки и думал.

– Из Москвы. Журналист, – сказал гость, протягивая удостоверение. – Это вы тут мамонтов разводите?

Журналист сказал это таким тоном, словно подразумевал: "Это вы водите за нос общественность?"

– И мамонтов, – скромно ответил профессор, прислушиваясь к сообщениям из Канберры и радуясь мастерству лучшего в сезоне хоккеиста.

– С помощью... – журналист извлек из замшевого кармана записную книжку, – ретро, простите, генетики?

Доверчивый Минц не уловил иронии в голосе журналиста.

– Именно так, – сказал он и набрал из стакана в рот воды, чтобы обрызгать брюки.

– И есть результаты?

Минц провел раскаленным утюгом по складке, поднялось облако пара.

– С этим надо что-то делать, – сказал Минц. Он имел в виду брюки и ситуацию в Австралии.

– И все-таки, – настаивал журналист. – Можно взглянуть на ваших мамонтов?

– А почему бы и нет? Они в поле пасутся. Добывают корм из-под снега.

– Ясно. А еще каких-нибудь животных вы можете вывести?

– Будете проходить мимо речки, – сказал Минц, – поглядите в полынью. Там бронтозавры. Думаем потом отправить их в Среднюю Азию для расчистки ирригационных сооружений.

В этот момент в окно постучала длинным, усеянным острыми зубами клювом образина. Крылья у образины были перепончатые, как у летучей мыши. Образина гаркнула так, что зазвенели стекла и форточка сама собой открылась.

– Не может быть! – сказал журналист, отступая к стене. – Это что такое? Мамонт?

– Мамонт? Нет, это Фомка. Фомка-птеродактиль. Когда вырастет, размахнет свои крылья на восемь метров.

Минц отыскал под столом пакет с тресковым филе, подошел к форточке и бросил пакет в разинутый клюв образине. Птеродактиль подхватил пакет и заглотнул, не разворачивая.

– Зачем вам птеродактиль? – спросил журналист. – Только людей путать.

Он был уже не так скептически настроен, как в первый момент.

– Как зачем? Птеродактили нам позарез нужны. Из их крыльев мы будем делать плащи-болоньи, парашюты, зонтики, наконец. К тому же научим их пасти овец и охранять стада от волков.

– От волков? Ну да, конечно... – Журналист прекратил расспросы и вскоре удалился.

"Возможно, это, до определенной степени, и не шарлатанство, – думал он, спускаясь по лестнице к своей машине, – но, по большому счету это все-таки шарлатанство".

Весь день до обеда корреспондент ездил по городу, издали наблюдал за играми молодых мамонтов, недовольно морщился, когда на него падала тень пролетающего птеродактиля, и вздрагивал, заслышав рев пещерного медвежонка.

– Нет, не шарлатанство, – повторял он упрямо. – Но кое в чем хуже, чем шарлатанство. Весной в журнале, где состоял тот корреспондент, появилась статья под суровым

заглавием: "ПЛОДЫ ЛЕГКОМЫСЛИЯ". Нет смысла передавать опасения и измышления гостя. Он предупреждал, что новые звери нарушат и без того неустойчивый экологический баланс, что пещерные медведи и мамонты представляют опасность для детей и взрослых. А в заключение журналист развернул страшную картину перспектив ретрогенетики:

"Безответственность периферийного ученого и пошедших у него на поводу практических работников гусярского животноводства заставляет меня бить тревогу. Эксперимент, не проверенный на мелких и безобидных тварях (жуках, кроликах и т.д.), наверняка приведет к

плачевным результатам. Где гарантия тому, что мамонты не взбесятся и не потопчут зеленые насаждения? Что они не убегут в леса? Где гарантия тому, что бронтозавры не выползут на берег и не отправятся на поиски новых водоемов? Представьте себе этих рептилий, ползущих по улицам, сносящих столбы и киоски. Я убежден, что птеродактили, вместо того, чтобы пасти овец и жертвовать крыльями на изготовление зонтиков, начнут охотиться на домашнюю птицу, а может быть, на тех же овец. И все кончится тем, что на ликвидацию последствий непродуманного эксперимента придется мобилизовать трудящихся и тратить народные средства..."

Статья попала на глаза профессору Минцу лишь летом. Читая ее, профессор лукаво улыбался, а потом захватил журнал с собой на открытие межрайонной выставки. Центром выставки, как и следовало предполагать, был павильон "Ретрогенетика". Именно сюда спешили люди со всех сторон, из других городов, областей и государств. Пробившись сквозь интернациональную толпу к павильону, Лев Христофорович оказался у вольеры, где гуляли мамонты.

Было жарко, поэтому мамонты были коротко острижены и казались поджарыми, словно собаки породы эрдельтерьер. У некоторых уже прорезались бивни. Птеродактили сидели у них на спинах и выклевывали паразитов. В круглом бассейне посреди павильона плавали два бронтозавра. Время от времени они тяжело поднимались на задние лапы и, прижимая передние к блестящей груди, выпрашивали у зрителей плюшки. У кого из зрителей не было плюшки, кидали пятаки.

Здесь, между вольерой и бассейном, Минц увидел Ложкина и Хату и прочел друзьям скептическую статью.

Смеялись не только люди. Булькали от хохота бронтозавры, трубили мамонты, а один птеродактиль так расхохотался, что не мог закрыть пасть, пока не прибежал служитель и не стукнул весельчаку как следует деревянным молотком по нижней челюсти.

– Неужели, – сказал профессор, когда все отсмеялись, – этот наивный человек полагает, что мы стали бы выводить вымерших чудовищ, если бы не привили им генетически любви и уважения к человеку?

– Никогда, – отрезал старик Ложкин. – Ни в коем случае.

Птеродактиль, все еще вздрагивая от смеха, стуча когтями по полу, подошел к профессору, и тот угостил его конфетой. Маленькие дети по очереди катались верхом на мамонтах, подложив под попки подушечки, чтобы не колола остриженная жесткая шерсть, бронтозавры собирали со дна бассейна монетки и честно передавали их служителям. В стороне скулил пещерный медведь, потому что его с утра никто не приласкал.

...В тот день столичного журналиста, неудачливого пророка, до полусмерти искусала его домашняя сиамская кошка.